

УДК 94(37). 07

Н.С. Зорина

**СВАДЬБА НЕРОНА СО СПОРОМ: ДЕВИАНТНЫЙ КАЗУС
ИЛИ ДЕФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ?**

Анализируется структура гендерных отношений императора Нерона в контексте целостной его идентичности и представлений о брачно-сексуальных практиках Античности. Инструментарием для автора служит технология полидисциплинарного синтеза, имеющая фокусом бессознательное.

Ключевые слова: *гендерные отношения Нерона, полидисциплинарный синтез.*

Император Нерон вошел в историю как одна из самых одиозных фигур своего времени. Его тирания и сексуальные оргии стали визитной карточкой правления принцепса, а его интимная жизнь до сих пор является примером распущенности и вседозволенности. В этом смысле весьма любопытен эпизод женитьбы Нерона на юноше Споре. Итак, будучи в браке с Статилией Мессалиной, красивой, богатой и образованной женщиной, в который он вступил после трагической гибели Пoppей в 66 г., Нерон отпраздновал свадьбу с евнухом Спором. Говорят, что он влюбился в него, поскольку тот напоминал и лицом, и фигурой покойную Сабину. Обратимся к Светонию: «Мальчика Спора он сделал евнухом и даже попытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым, с факелом, с великой пышностью ввел в свой дом и жил с ним как с женой... Этого Спора он одел как императрицу и в носилках возил его с собою и в Грецию, и по собраниям, и торжищам, и потом в Риме по Сигилляриям, то и дело его целуя» [1. С. 208–209]. Мессалина же, судя по источникам, не была против этого супружества и даже находилась в дружеских отношениях со Спором. Было ли это событие казусом, свидетельствующим об исключительности гендерного поведения Нерона, или все же в нем мы можем найти нечто, что укладывается в рамки римской традиции? Вот вопрос, который невольно возникает в контексте наработанного знания о сексуально-брачном поведении римской элиты, в том числе и императоров? Ответить на него мы сможем только в режиме так называемого большого времени. Как писал С.С. Аверинцев: «Большое время даже реальнее, чем изолированный исторический момент; последний есть по существу наша умственная конструкция, потому что историческое время – длительность, не дробящаяся ни на какие моменты, как вода, которую, по известному выражению поэта, затруднительно резать ножницами. Но совершенно понятно, почему доказательному знанию без этой конструкции не обойтись; только внутри исторического момента факт в своем первоначальном контексте имеет такой смысл, объем которого поддается фиксации. Сейчас же за пределами этого исторического момента он попадает в новый контекст новых фактов, сплетается с ними в единую ткань, становится компонентом рисунка, проступающего на этой ткани и на глазах усложняющегося, и тогда смысл его имеет уже не только границы объема, сколько опорные динамические линии, куда-то идущие и куда-то

указывающие» [2. С. 210–211]. Рассмотрев структуру гендерных отношений Нерона в контексте целостной его идентичности и на пересечении того, что представляла собой традиция брачно-сексуальных практик Античности в макроисторическом срезе, мы сможем приблизиться к ответу на заданный себе вопрос. Инструментарием для нас будет служить технология полидисциплинарного синтеза, имеющая фокусом бессознательное (Подробнее см. [3]).

Начнем с того, что для всех архаических обществ (и Античность не исключение) огромное значение имело понятие власти, доминирования, в том числе и в сексуальной сфере. По определению Э. Фромма: «Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого, как на высшего» [4. С. 142]. Именно в этом контексте следует рассматривать и распространенность явления промискуитета, характерного для ранних стадий цивилизации всех народов мира. На античном материале природу этого явления очень точно характеризует П. Киньяр в своей книге «Секс и страх» (Подробнее см. [5]). Это своеобразная охота сексуально активного объекта (мужчины) на более слабого партнера.

Ни греки, ни римляне не разделяли понятий «гомосексуальный» и «гетеросексуальный». Они разделяли понятия активности и пассивности. «Они противопоставляли фаллос (*fascinus*) всем отверстиям (*spintrias*) человеческого тела» [5. С. 9]. Важен был сам процесс охоты, доминирования и то, что победителю доставалась самая лучшая добыча – будь то женщина, юноша, ребенок или кто-либо еще. Римские и греческие взгляды на тех, кто мог быть пассивен, несколько различались, свидетельствуя об определенной эволюции, которую проделало античное общество. Нравы «Великого города» запрещали пассивное поведение среди всех свободнорожденных граждан независимо от возраста, в то время как греки считали мальчиков (в т.ч. свободнорожденных) пассивными и женоподобными до того момента, как у них начинала расти борода (Подробнее см. [6]). Гражданин Рима считался целомудренным, если никогда не подвергался содомии, т.е. был только сексуально активен. Одна из основных римских добродетелей – *virtus* совокупность физической силы, военного превосходства и, обязательно, сексуальной мощи, состоятельности. Наличие *virtus* давало ощущение власти. Те, кто находился во главе государства, по определению должны были обладать такой *virtus*. «Сверхъестественная сексуальность императоров стала неотъемлемым свойством его правителей. Неограниченное могущество империи находило отражение в неограниченном сластолюбии императоров. Augustus – умножитель – такова уставная императорская функция» [7. С. 11]. Однако эту силу следовало применять вне семьи. Римский, впрочем, как и греческий, брак не ставил своей целью удовлетворение сексуальных потребностей мужчины. Цель брака – продолжение и соблюдение чистоты рода, все эротические фантазии за пределами дома. Во все времена гражданин был свободен в выборе партнера.

Постепенно, в связи с улучшением качества жизни, когда не требовалось ежедневно задумываться о завтрашнем дне и «ежеминутно» подтверждать свой статус, когда Рим превратился в мощную империю и был наработан определенный культурный багаж, произошли некоторые изменения и в от-

ношении проявления сексуальной энергии. Уже при императоре Октавиане Августе принимается ряд законов, ограничивающих половую распущенность граждан и направленных на укрепление института брака. Был принят так называемый «Юлиев закон против прелюбодеяний», новшество его было в том, что разбирательство выносилось за пределы семьи и решалось в суде. Виновные (как мужчины, так и женщины) подвергались изгнанию. Следует сказать, что Августу пришлось применить этот закон против своей дочери Юлии Старшей и внучки Юлии Младшей, славившихся своими сексуальными похождениями. Был принят и другой закон. Все те проявления половой распущенности, которые не подходили под категорию прелюбодеяний, попадали в разряд – «бесчестие», «позор». Эти поступки также весьма строго карались [8. С. 512–513]. Таким образом, можно подвести определенный итог. В Риме на равных продолжали существовать гомо- и гетеросексуальные отношения, правда, в силу культурных наработок не было необходимости их постоянно демонстрировать. Семья считалась важным социальным элементом, но по-прежнему не являлась основой сексуального партнерства.

Теперь же, имея общее представление о формах интимных взаимоотношений римлян, вернемся к эпизоду женитьбы Нерона и Спора. Сама по себе близость императора с юношей была вполне обычным и никем не осуждаемым явлением. Говоря современным языком, Нерон был бисексуален, как, впрочем, и все его предшественники. Однако никто из них не решался на подобную демонстрацию своей жизни, хотя и Тиберий, и Калигула в своих оргиях ничем не уступали Нерону, если даже не превосходили его. Однако брак с юношей – это уже являлось деформацией традиции, поскольку браки заключались только между мужчиной и женщиной и, повторюсь, своей целью преследовали рождение детей. Так с чем же связан был поступок Нерона? Мне видится, что причину подобного поведения Нерона следует искать в эволюции его Эго-идентичности. С самого раннего детства у него практически не было предпосылок для складывания позитивной идентичности (исключение составляют выигранные им Троянские игры, которые дали возможность на определенном этапе становления личности поверить в себя и быть принятым окружающими). Юного Нерона влекли скачки, пение, музыка, а от него требовали совершенно противоположного (сначала мать, а потом и наставники, в частности Сенека). Он должен был воплотить в себе образ успешного военачальника, прославить род, как когда-то его дед – Великий Германик. Он очень рано оказался вовлечен во дворцовые интриги и заговоры, что не могло не сказаться на формировании его личности. По меткому замечанию Л. Остермана, во дворце к Нерону относились насмешливо, а Британика считали будущим императором, зато, когда Нерон оказался на троне, те же люди перед ним стали заискивать. Не удивительно, что, взойдя на трон и получив реальные полномочия, Нерон реализует свои глубоко скрытые устремления, которым в силу их чрезмерного и долгого подавления суждено было раскрыться в уродливо жестокой форме. С детских лет у Нерона отсутствовали условия для обретения не осознаваемой, но фундаментально важной уверенности в себе, любви своих близких. Этот негативный опыт социализации заложил основания для базисно тревожной психики и в

будущем (Подробнее см. [4, 9, 10]). Став императором, он мог распоряжаться не только своей судьбой и судьбами всех окружающих его людей, и его слово было значимым. Выгодный ранний брак с девушкой, которая вызывала у него отвращение, тоже сыграл не последнюю роль в деформации личности Нерона. Психологический интерьер социализации Нерона на этапе формирования его детской и юношеской идентичности способствовал некоторому застреванию или фиксации личности на проблемах преодоления страха перед авторитетом, властными фигурами. Подобные ситуации, как правило, приводят к гиперкомпенсаторному поведению на стадии формирования взрослой идентичности, если условия на этом этапе ее оформления благоприятствуют демонстрации собственной силы. Оказавшись у власти, он почувствовал ее вкус и ту свободу вседозволенности (которую Э. Фромм определяет как свободу «от», а не «для»), от которой уже не мог отказаться. Теперь уже он устранил тех, кто может ему помешать насладиться полученной свободой. Первой его жертвой становится Британик, затем мать, позднее – Сенека. Однако он не обретает того, к чему так стремился. Его начинает преследовать страх возмездия за совершенные злодеяния. С уходом Бурра (62 г.) и Сенеки (65 г.) и появлением «вторых» советников начинается новый этап в жизни императора. Если раньше он испытывал постоянное давление со стороны матери, а затем наставников и проявлял свою слабость, то теперь у освободившегося от этого «гнета» Нерона стала проявляться его вседозволенность как обратная сторона прежней несостоятельности. Что же подразумевается под вседозволенностью? Как писал Светоний: «В гладиаторской битве...он заставил сражаться даже четыреста сенаторов и шестьсот всадников, многих – с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев и служителей на арене» [1. С. 200]. Римская элита участвовала в состязаниях, в которых традиционно соревновались рабы и осужденные на смерть. Читаем дальше: «Мало того, что жил он и со свободными мальчиками, и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубию... Он искал любовной связи даже с матерью, и удержали его только ее враги... В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто, разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с ней кровосмесительной похоти...» [1. С. 209]. Весталки в римском обществе воплощали в себе идеал женской чистоты и непорочности, потеря целомудрия грозила весталке смертной казнью. Именно поэтому сексуальное насилие над Рубией можно интерпретировать как вседозволенность, впрочем, как и бытующие на уровне предположений сексуальные отношения с матерью. Нерону не удалось воплотить в жизнь образ идеальных отношений между императором и подданными, как между *pater familias* и членами семьи. Он не был доблестным военачальником, а «расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды» [1. С. 203]. Он не обладал тем комплексом добродетелей, которые были присущи римской аристократии, он не был императором-солдатом, каким привыкли видеть своих правителей римляне. Ведь именно при Нероне на некоторое время были закрыты двери храма Януса (редчайший случай в истории Рима), в знак

того, что во всей империи прекратились войны и воцарился мир. Ощущение несоответствия тому образу правителя, который он должен был воплощать своим поведением, породило усиление невротического реагирования, которое снимается за счет включения механизмов компенсаторного удовольствия, когда можно получить удовольствие, унизив того, кто слабее и беззащитнее, – отсюда регрессия к архаичной форме, где легче всего ощутить доминирование. Чтобы расслабиться и стать самим собой, хоть на какое-то время, Нерон погружается в ту среду, к которой тяготел всегда, – музыка и театр. Он жаждет восхищения и всеобщего признания, которое в определенной мере он получает (для плебса его увлечения были весьма близки и понятны, что и вызывало их симпатии). Его театрализованная свадьба видится мне не чем иным, как попыткой лишней раз продемонстрировать то, что он может быть победителем. С чем же связано то, что общество терпело и принимало подобное поведение главы государства? Возможно, причина в том, что Нерон стал императором в период кризиса ценностных установок римского общества, когда шла девальвация старых наработанных ценностей, а новые были еще слабо укоренены, не были морально санкционированы (Подробнее см. [11]). Этот кризис был сопряжен с психосоциальной трансформацией римского нобилитета, деформацией его идентичности. Архаические практики были еще сильны, а наработанный социокультурный багаж, который мог бы противостоять деформации нравственно-психологических оснований идентичности, был чрезвычайно хрупким. Именно это обстоятельство обусловило, на мой взгляд, казус, коим и явилась свадьба Нерона с юношей, свидетельствующий одновременно о деформации и его идентичности и традиции, попиравание которой социум молчаливо признал.

Литература

1. *Светоний Г.* Жизнь двенадцати цезарей. Нерон. М., 1988.
2. *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир.* 1988. № 7.
3. *Николаева И.Ю.* Проблемы методологического синтеза и верификации в истории в современных концепциях бессознательного. Томск, 2005.
4. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.
5. *Киньяр П.* Секс и страх. М., 2000.
6. *Николаева И.Ю.* Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // *Вестник ТГПУ.*
7. *Николаева И.Ю.* Истоки и особенности европейского культурного кода // *Материалы I и II семинаров «Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов: стратегии и методики гендерного образования».* Томск, 2003.
8. *История Древнего Рима.* СПб., 1998.
9. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. СПб., 2002.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
11. *Зорина Н.С.* Деформация гендерного кода поведения элиты в контексте кризиса позднеримского общества (к постановке вопроса) // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 2008. Вып. 28.